

Форий

Любушкин

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

ПЕХОТИНЕЦ. ПОСЛЕДНИЕ ЗАЛПЫ

(Из воспоминаний фронтовика Ивана Сермяги)

Такое действительно было... Сплошь и рядом... Фронтовики, не знавшие в лицо Барда с Таганки, но тронутые до глубины души его проникновенными песнями «о боях-пожарищах» уверяли – это тот самый Высоцкий, что воевал с ними в одном батальоне, артдивизионе, авиаполку, экипаже подводной лодки...

За неделю боёв овладели фашистским Берлином,
 И сквозь пламя и гарь над Рейхстагом алеет наш стяг.
 Но идут и идут похоронки на мужа и сына,
 И отчаянно дрался ещё не поверженный враг.
 А Высоцкий запел вдохновенно о нас, о пехоте,
 Знамо дело, не раз побывал он в кромешном аду.
 В том бою поспешил он на выручку гибнущей роте,
 И его ППШ прогремел: «Мужики, я на помощь иду!...»
 А комбату потом покатила звезда на погоны,
 Что ж... Вояка лихой и мужик, вам скажу, хоть куда,
 Но погиб он в Берлине – без крика, без шума и стона.
 Генералом бы стал... Ну а тут вот такая беда.
 А Высоцкий нам пел про коней, что несут его полем,
 В перерыв, когда ад, чуть-чуть подустав, отступал.
 Пел про горе окрест и к войне обращался. – «Доколе?!
 Прекрати убивать! От тебя я смертельно устал...»
 Кровь и ужас войны не уйдут, не померкнут, не сгинут,
 Покорёженным судьбам дорога по жизни одна,
 Чтоб с войной заодно счастье прошлое подленько скинуть,
 Чтобы в ад полетело, где звёзд не видеть никогда.
 Вновь Высоцкий в бою к нам спешит с ППШ на подмогу,
 Смерть лютует, орёт... А с чего бы ей, впрочем, молчать?
 Жив комбат... Не маячит Берлин... Но пора в путь-дорогу,
 Чтоб по красной ракете в атаку идти умирать.
 За тот бой, как потом зачитали всем нам перед строем –
 Кто остался в живых, получили награды сполна –

Был посмертно и Бард награждён.

Смелость ордена стоит,
Ну а мы двести грамм осушили за Барда до дна.
Фронтовых было больше, ведь столько в атаке погибло,
Пьём за павших друзей.

Наливаем по полной и пьём.
Пусть им будет не стыдно за нас и совсем не обидно,
Мы им в братской могиле во фляги той водки нальём...
Всю неделю боёв прорывались мы к центру Берлина,
И сквозь пламя и дым над Рейхстагом алеет наш стяг.
В День Победы в страну вдруг пришла похоронка на сына,
Ведь стрелял в него, целясь, ещё не поверженный враг...

P. S.

Как хотелось, чтоб все возвратились живыми до дома,
Только смерть забирает отважных и смелых людей.
Но зачем ей, скажите, бродяге безумной, бездомной,
Отнимать у России её золотых сыновей?!

«ГОРБАТЫЕ» (На Зееловских высотах)

Заложил вираж покруче, но сорвался вдруг в пике.
Это был тот самый случай – погибаю налегке...
На Зееловских высотах враг засел – не сокрушить.
Атакуют наши роты, чтоб к Берлину путь пробить.
Вновь летим мы на штурмовку, цель одна – врага громить.
Так весь день без остановки, не погибнем – будем жить...
Хоть и беды в изобилии, надо всё преодолеть.
На подлёте эскадрильи, чтоб врагу в аду гореть.
Распластались грозной силой и на бреющем пошли.
Но зенитки – в бок им вилы – тут же цель свою нашли.
Мы на новый круг заходим – если куш, то брать ферзя.
В шлемофон кричу: «Уходим! Пробиваться здесь нельзя!»
Отвернули дружно Илы – ну, давай быстрее, друзья! –
На врага заходят с тыла, слева, справа от меня.
Вновь давлю я на гашетку, получай, фашист, сполна.
Но зенитки лупят метко, ни покрывки им, ни дна!..
И завыл снаряд блаженно: – Постара-юю-юсь, попаду-уу!
Ил, «Горбатый» мой бессменный, клюнул носом на ходу.
Смерть безумная ликует, подыграл ей гад-фашист,
Мы горим, пожар бушует, и убит стрелок-радист.
Мы в глаза смотрели смерти в эти дни по многу раз,
Веселятся нынче черти, скалят зубы напоказ...
Весь в крови мой пулемётчик, голова ничком на грудь .
Смерть орёт: «Ну что же, лётчик, от беды не отвернуть?!»

Крою матом несусветным смерть, беду и всю их рать.
Крик остался без ответа. – Что, бояться отвечать?
Заложу вираж покруче, не свалиться бы в пике.
Смерть нависла мрачной тучей, бьёт осколком по руке.
И горю я будто факел, полыхнув в дыму звездой.
Не боец я больше в драке, где лютует смерть с косою.
Говорили мне: «Везучий! Козырь держишь в рукаве».
Бог берёт на всякий случай, да забыл вдруг обо мне...
Угадай, не угадаешь, как там дальше – повезёт?
Смерть, зануда, что ты лаешь? Жди, сегодня мой прилёт...
И летит земля навстречу, кувыркаясь подо мной,
И вопит: «Вот это встреча! Заждалась тебя, герой...»
И нигде мне не укрыться, догораю на земле...

Жуть сегодня снова снится, чтобы ей гореть в огне!
И лютует в окаянстве – все потери нам не счесть –
Дьявол в мерзостном убранстве изрыгает свою лесть.
Тормозит меня ведомый: «Ты опять кричал во сне...
Успокойся, мы же дома, и не думай о войне...»
Но легко сказать «не думай», каждый миг ей подчинён.
Для беды как раз тот случай возвести себя на трон.
Говорит товарищ верный: «Скоро будем брать Берлин.
Вот потери – это скверно, вышибаем клином клин».
Очень часто он в землянке в час затишья говорил:
«Смерть притихнет на гулянке, как увидит грозный Ил.
Грозен Ил, в бою «Горбатый» фрицам жару задаёт.
Что ж, беги, фашист проклятый, дни и ночи напролёт.
Доберёмся до Берлина – жарких стычек будет тьма! –
На фашиста двинем клином, чтобы он сошёл с ума...»
...Строй «Горбатых» поредевший возвращается домой.
Сколько будет поседевших этих мальчишек со мной?
И не все придут до дома – на войне как на войне –
В том бою сгорел ведомый, жизнь свою даруя мне.
Он пошёл врагу навстречу, заслонив меня собой.
В небесах скажу при встрече: «Санька, я горжусь тобой!...»
Ни креста и ни могилы, чёрный пепел по земле.
Возвращались строем Илы. Из штурмовки... Да не все...

P. S.

На Зееловских высотах непрерывный, жуткий бой.
Их штурмуют наши роты, страшно жертвуя собой.
Прорываются к Берлину вот уже который день,
Вечно гиблая картина, где застыла смерти тень.
На погибель, не для славы смерти выдали бойцов,
Ей плевать на все уставы, отправляя в ад гонцов.
И Молох со страшной силой свирепеет каждый час.
У черты с названьем «Было» будет всё, да не для нас...

ЧЕРНЯШКА С СОЛЬЮ

1

Ранен конь... И всё елозит он копытом по грязи.
Слышал днём: «Давай, Rogozin, груз быстрее отвези!»
Был он сминою конягой, пожевать любил овёс,
Груз сегодня бедалага до окопов не довёз.
Груз особый: суп с тушёнкой – вот окопник будет рад! –
Хлеба полная котомка, плюс махорка-самосад.
...А теперь лежит недвижно у обочины пути.
Дышит, еле-еле слышно, жаль, конягу не спасти.
Глаз лиловый налит болью: «Что, закончился мой век?
Не забыть горбушки с солью, что давал мне человек...
Было дядьке не зазорно отдавать паёк весь мне.
Весь паёк – сухарик чёрный – в вещмешке лежал на дне».

...Был когда-то жеребёнком, обожал зелёный луг.
На дворе дружил с котёнком, и до скуки – недосуг.
Тыкал мордой мамке в вымя – хорошо в её тепле! –
Получил, конечно, имя, а второе – на войне...
Был, как конь, мобилизован на участок фронтовой,
И судьбой к беде прикован, и от страха сам не свой.
Вся военная наука проходила под огнём.
Страх гони – и вся доука, так проходит день за днём...
Пули свист, вдогон осколки, худо-бедно жил-тужил.
Вопреки всем кривотолкам ездовой его любил.
Припасал ему сухарик, рафинадом угощал.
«Сухопарый», «Сухопарик» – он конягу называл.
Пусть худой, пусть сухопарый... Что с того, пускай зовёт...
Сам Rogozin, дядька старый, с ним воюет третий год.
Беды били их со вкусом, всяко было на войне.
Не хлестал кнутом, однако, по истерзанной спине...
Плачет рядовой Rogozin, грязь размазал по щекам.
Боль, противная заноза, сердце рвёт напополам.

2

Трудно на войне мужчинам, и намаялись они,
Смерть кусает без причины, только руку протяни.
Ну и лошадь безутешно тут намается вполне...
Кто-то скажет: «Ну, конечно, время думать о коне».
Думай, думай, друг сердечный, чтобы помнил весь свой век!
Чтобы врезалось навечно – ты же русский человек!
Хуже нет, когда в землянках дети, вдовы, старики.
Нам ли всем играть в молчанку, что наделали враги?
Вот бы Гитлера, подлюку, взять и вздёрнуть на столбе!
Или чтоб подохнул в муках в жутком адовом огне...
Если русский, помни свято, кто и с кем как воевал,
Помни, как фашист проклятый нас на горе обрекал!

Всё, что с нами происходит – на войне как на войне –
 Сердце русское изводит, и болит оно вполне.
 И болит оно войною – а ля герр ком а ля герр –
 Горе, беды над страную день и ночь стучатся в дверь.
 Вот с такой сердечной болью воевал наш ездовой,
 Потому – горбушка с солью на пути к передовой.
 Получал свои вкусняшки за лихие трудодни
 Сухопарка, конь в упряжке: «Съел? Теперь давай, гони!...»
 Им двоим приказ начальства: «Срочно роту накормить!»
 Груз особый – без бахвальства! – им доверено возить...
 «И давай без приключений на пути к передовой...
 Да, Рогозин, ... с днём рождения!» Тут опешил ездовой:
 «Ведь число?.. Ну да, сегодня... Старшина, ах молодец!
 Тьфу, фашистское отродье, я забыл про всё вконец...»

3

А теперь лежит коняга, горько плачет ездовой,
 Был медалью «За отвагу» награждён за подвиг свой.
 Подвозил снаряды к пушкам под огнём в жестокий бой,
 Танки встали на опушке: «Торопись-ка, ездовой!»
 В этот день была запарка: «Артиллерию спасай!!!»
 «Ну давай-ка, Сухопарка, жми, дружище, выручай!»
 Натянул Рогозин вожжи, проскочил стену огня.
 Страшно было им до дрожи, что не помнили себя...
 Проскочили, разгрузились. «Молодец!» – сказал комбат .
 Батарейцы удивились: «Ну, Рогозин, ну и хват!...»
 Нервно свёрнута сигарка, горло табачок дерёт.
 Употел Рогозин, жарко, смерть таится, ждёт-пождёт...
 Пот струится из-под шапки, запах с конским пополам.
 «Пощипать коню бы травки», – говорил себе он сам.
 Только поле, вы поверьте, распахал обстрелом гад,
 Словно там плясали черти, и сам дьявол был им рад.
 ...Не остался без награды Сухопарка, конь простой.
 В торбе жмых, ему и рады конь и старый ездовой.
 Время минуло немного, когда был тот жуткий бой.
 Снова будни. Чинно, строго, всё идёт само собой.
 Вот и вся картина маслом: ездовой, повозка, конь.
 Лишь злодейство не угасло, и горит войны огонь...
 Взрыв! Осколок от снаряда, хоть и был снаряд шальной.
 Смерти подлая засада на дороге фронтовой...

4

Растянувшись вдоль дороги, замер пополнения строй.
 Лейтенант промолвил строго: «Что случилось, рядовой?»
 Доложил Рогозин кратко: «Ранен конь. Обед стоит».
 И подумал он украдкой: «Может, чем-то подсобит?»
 Не ему... Коню, конечно. Кабы знать, где упадёшь...
 На Руси ведь так извечно, вмиг соломки припасёшь.

Только жаль, что и соломкой ты не вытянешь судьбу.
Взрыв! Разлёт осколков звонкий, смерть посеяла беду...
Лейтенант спросил тревожно: «Что же делать нам, отец?»
«Пристрелить бы... Если можно... Конь, как видно, не жилец...»
Лейтенант прошёл к колонне, вызвал одного бойца,
Тот загнал патрон в патронник – выстрел! Бах! – Нет жеребца...
И не стало вмиг коняги, бездыханно он лежит,
Сердце, полное отваги, больше громко не стучит...
Лейтенант воюет месяц, но душой не почерствел.
По пути к войне раз десять дел подобных лицезрел.
Дело близится к развязке, ведь всему придёт конец,
От души, не по указке, произнёс: «Прощай, отец...»
И простились вмиг, поспешно лейтенант и рядовой.
Слёзы душат безутешно, опечален ездовой.
Взгляд угрюмый из-под шапки, – с ней война напополам –
Взять беду, собрать в охапку и забросить всем врагам...

5

Вновь смахнул слезу-росинку заскорузлой рукой.
Голос сзади: «Суп с конинкой съест сегодня ездовой».
Побледнел Рогозин сразу,
Вмиг винтарь сорвал с плеча:
«Пристрелю тебя, заразу!» – кляц затвором сгоряча.
«Эй, отставить! Что такое?!» – крикнул молодой комбат.
Ну задали эти двое: разберись, кто виноват?
Замерла на миг колонна, шаг замедлил батальон.
Ужас. Охи. Всплески стона, словно морок, жуткий сон.
Ну а после торопливо навалились всей гурьбой,
Канул дурень говорливый, сник, обмяк наш ездовой.
Дело пахнет трибуналом, но семь бед – один ответ.
Ведь не то ещё бывало, а комбату двадцать лет...
И решил спасти обоих, лишь бы особист не знал.
Жизнь солдата того стоит, кто бы смерти подсказал?
Если призовут к ответу, что ж, ответит головой.
Совесть выскажет советы, чтобы жить в ладу с душой...
«Жди, отец, придёт подмога, мной посыльный послан в полк, –
Добрых слов не так уж много, но комбат в них знает толк. –
Не пойми меня неверно, я на жалость не давлю:
Дома у мальчишки скверно: батька их погиб в бою.
Ты прости его, папаша, новобранца моего.
Признаюсь – промашка наша, не держи зла на него...»
Закурил Рогозин нервно, горло самосад дерёт.
Что ж, комбат сказал всё верно: на войну пацан идёт.
«Ладно, я его прощаю... Виновата всё война.
Толком ведь никто не знает, когда кончится она».
Вот такой вот день рожденья он отметил в этот день,
Бьёт война без сожаленья, сеет жуткой смерти тень...

6

А война – сплошная мука, смерть – обыденный пустяк,
 Взять бы Гитлера, подлюку, головой да об косяк...
 И вся недолга, скажу вам. В ней войны сплошная суть,
 Где беда продолжит долгий, жуткий и кровавый путь...
 Вот такие похождения на пути к передовой,
 И забыл про день рожденья старый дядька ездовой...
 Ткнул рукой в карман шинели, там черняшка для коня.
 Руки, видно, не успели угостить в начале дня.
 Положил гостинец рядом, где закончил путь земной
 Сухопарка, конь, трудяга и боец передовой.
 Глаз коняги не забудет миг прощанья с рядовым:
 «Боже мой, что дальше будет с моим верным ездовым?..»
 Хлесткий выстрел. Взгляд потухший. Дрожь в ладонях у солдат.
 День уйдёт, как день минувший, в пламенеющий закат...
 Слёзы высушил Рогозин, трёт ладонью рафинад,
 В сердце боль вошла занозой: «Сухопарка... был бы рад...»
 Был бы конь, так, доходяга, и не стоит горьких слёз,
 Но старался бедолага и обед солдатам вез...
 И осталась без обеда сотня стриженных ребят.
 Не беда – другие беды угостить их норовят...
 И был списан по раненью конь на кухне полевой,
 Проросла трава забвенья. – Жив ли старый ездовой?

Юрий Павлович Любушкин родился в марте 1956 г. в г. Николаевске-на-Амуре Хабаровского края. После школы служил в армии. Окончил химфак ДВГУ (г. Владивосток). Отработав по специальности, связал свою жизнь со службой в милиции – в уголовном розыске, ОБХСС. Заочно получил еще одно высшее образование – юридическое. В настоящее время пенсионер. Проживает в Николаевске-на-Амуре.

Публиковался в газетах «Дальневосточный пограничник» и «Суворовский натиск», а также в журналах «Пограничник», «Воин России», «На боевом посту» и др. В 2012 и 2013 гг. в издательстве «Яуза-Эксмо» (Москва) вышли две книги: «Днепровская мясорубка» и «Тайное оружие Берли».

